

Глава 5. Население России: 1927-1940

Данные о движении населения России, как и СССР в целом, были не полны, а оценки недоучета, содержащиеся в архивных документах, мало обоснованны. Чего стоят обвинения в сокрытии родившихся и в двойном счете умерших. С конца 20-х годов данные статистики естественного движения населения носили сугубо секретный характер и, естественно, были известны только узкому кругу чиновников. В публикациях зарубежных исследователей, в том числе современников событий, представлены многочисленные материалы, которые, к сожалению, не всегда могли служить для критической оценки качества учета движения населения, так как в большинстве случаев их отличал достаточно субъективный характер.

Напомним (п. 4.3), что в соответствии с принятой методикой, задача определения численности и возрастно-полового состава населения за рассматриваемый период сводилась к определению показателей недорегистрации родившихся и умерших, а также соотношений (но не объемов) уровней миграции в разные годы периода.

5.1. Естественное движение населения России

Оценка недоучета рождений и смертей и определение правдоподобных рядов чисел родившихся и умерших за эти годы проведено нами на основе сопоставления данных статистики, официальных оценок, чисел родившихся, рассчитанных по данным анамнестического обследования 1960 г., и динамики численности отдельных когорт между переписями населения 1926 г. и 1939 г.

Достаточно примитивная первоначальная математическая модель смертности населения России была построена на основе сравнения возрастных вероятностей дожития в России и в СССР в 1926-1927 гг. и 1938-1939 гг. (п. 4.3). Сравнение данных за 1926-1927 гг. показало, что измеренный таким образом уровень смертности мужчин в России в среднем на 4% выше, чем в СССР в целом, а женщин - практически совпадает. В обоих случаях различия мало дифференцированы по возрасту. В 1938-1939 гг. различия в смертности мужчин увеличились до 19%, а женщин - до 18%. И для мужчин и для женщин максимум различий приходится на средние и старшие возраста. Использование модели дало нам первый, самый грубый и несбалансированный вариант оценок полноты

регистрации. Перед тем как двигаться дальше было необходимо решить три вопроса.

Первый вопрос: уровень смертности в период голода. Известные факты о географии голода 1933 г. позволяют предположить, что относительные людские потери России были ниже, чем по СССР в целом. Поэтому регрессионная модель не могла быть применена для периода голода даже в качестве самой грубой оценки и гипотезы о людских потерях России были сформулированы отдельно. Катастрофический подъем смертности нигде не начался раньше весны 1933 г. и не завершился позднее конца 1934 г. (АДХ, 1993, с. 44-48). На территории России, где ситуация с учетом смертности оставалась лучше, чем в других республиках, уровень смертности в 1934 г. был существенно ниже, чем в 1933 г. Учитывая все эти данные, мы сочли, что рост смертности произошел в основном в 1933 г. и концентрировался во времени в значительно большей степени, чем предполагалось ранее.

До сих пор считается, что повышение смертности в результате голода носило локальный характер (Данилов, 1988), и затронуло Украину, Северный Кавказ и Поволжье. Однако, сохранившиеся в архиве материалы о естественном движении населения в 1933 г. по Российской Федерации убедили нас в том, что в той или иной степени, конечно, несравнимо меньше, чем в указанных регионах, рост смертности наблюдался в значительном числе территорий республики.

По архивным данным в 1933 г. из 26 территорий Российской Федерации, представивших отчеты о естественном движении населения, в 14 был отмечен отрицательный естественный прирост. Он отмечался в Северном крае, в Центрально-Черноземном районе (Воронежской, Курской областях), на Урале (Свердловской и Челябинской областях), Средней Волге (Средне-Волжский край), Нижней Волге (Саратовский край, в том числе АССР Немцев Поволжья, Сталинградский край), Северо-Кавказском крае, Дагестанской АССР, Азово-Черноморском крае (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 256), причем в Азово-Черноморском, Саратовском и Северо-Кавказском краях зарегистрированные числа умерших превышали числа родившихся более чем в 3 - 4 раза. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 256. Л. 21).

По-видимому, на территориях в прямую незатронутых голодом, низкий и даже отрицательный естественный прирост мог быть результатом наличия в некоторых областях большого числа спецпоселенцев. Именно таково было мнение начальника ЦУНХУ И.А. Кравая, писавшего, что если исключить данные о естественном движении спецпоселенцев, то естественный прирост будет положительным, а не отрицательным. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 107. Л. 152).

Разумеется, учет умерших как и родившихся в этом году был далеко не полным и, по-видимому, в силу сложившихся трагических обстоятельств, был хуже, чем в другие годы (см. гл. 3). Однако, анализ этих и других статистических данных позволяет предположить, что полнота учета в России в 1933 г. ухудшилась не столь значительно, как в других регионах.

Между 1932 г. и 1934 г. административно-территориальное деление России претерпело значительные изменения, что усложнило анализ. В табл. 5.1. представлены результаты пересчета данных в едином территориальном делении, выполненные С. Адамцом, А. Блюмом и С. Захаровым (Adametz et al, 1994, P. 75). По более мелким территориям сопоставление за все три года невозможно. Но, сравнивая только 1933 г. и 1934 г., можно увидеть, что число умерших в 1933 г. в Воронежской области в 1,8 раза выше, чем в 1934, в Курской - почти в 2 раза выше, в Саратовском крае - в 4,8, в том числе в АССР Немцев Поволжья - в 3,5 раза (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 132). В хранящемся в архиве сводном отчете о результатах обследования постановки учета естественного движения населения, произведенного сотрудниками ЦУНХУ и УНХУ УССР и Ивановского ОблУНХУ в марте 1934 г. отмечалось, что в 1933 г. "не хватило книг учета смертей. Не было ни одного случая недостачи книг записи рождений" (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 132. Л. 56).

В конкретных расчетах мы использовали 2 показателя:

- разность между числом смертей в 1933 г. и средним числом умерших в 1932 и 1934 гг., которую можно интерпретировать как людские потери (или сверхсмертность) в следствие голода;
- отношение числа умерших в 1933 г. и среднего числа умерших в 1932 и 1934 гг., которое мы называем индексом сверхсмертности.

Таблица 5.1. Смертность в регионах России в 1932-1934 гг.

	Число умерших (тыс. человек)			Индекс сверх- смертности в 1933 г.
	1932	1933	1934	
Россия в целом	2104	3006	2062	1,44
в том числе				
Европейская часть России	1541	2371	1573	1,52
в том числе				
Северный регион	77	101	77	1,31
Центральный регион	288	358	307	1,20
Западный регион	291	315	323	1,03
Центрально-Черноземный регион	204	361	196	1,81
Верхняя Волга	381	561	463	1,33
Нижняя Волга	109	258	79	2,74
Северо-Кавказский регион	191	417	128	2,61
Азиатская часть России	563	635	489	1,21
в том числе				
Урал	258	324	229	1,33
Сибирь	305	311	260	1,10

Источник: Adametz, Blum, Zakharov, 1994, p. 75. Итоговые строки получены суммированием. Отметим некоторое расхождение с данными табл. 3.2. Возможно оно связано с тем, что в разных архивных источниках иногда приводятся разные числа умерших.

Воспользовавшись сводкой данных об умерших, мы оценили индекс сверхсмертности в регионах России (табл. 5.1). Он варьирует от 1,1 в областях Сибири и Дальнего востока до 2,6 - 2,7 в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. На Севере России, Верхней Волге и Урале индекс равен 1,3. Рассчитанный для Украины по данным Адамца и соавторов (Adametz et al. 1994, p. 75), индекс сверхсмертности равен 3.2 и практически во всех областях этот показатель выше максимальных значений по России.

Известно, что длительное недоедание, некачественное и несбалансированное питание ведет к повышению смертности. Поэтому рост смертности в период голода 1933 г. наблюдался повсеместно. Так, общее число умерших в городах Европейской России (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 58) в 1933 г. было в 1,6 раз больше, чем в 1934 г., причем практически от всех без исключения причин смерти. Максимальные различия были отмечены в числах умерших от болезней неполноценного питания - выше в 5,1 раз; от энтерита и

колита - в 2,6 раза; от сыпного тифа - в 2,7 раза (скорее всего, это результат появления беженцев); от старческой дряхлости - в 2,2 раза; а также от прочих недостаточно определенных причины смерти - в 2,8 раза.

Такова ситуация в городах, где по всем свидетельствам последствия голода были много слабее, чем в сельской местности, а полнота регистрации - выше. Достаточно сказать, что по данным регистрации число умерших в сельских местностях Европейской России в 1933 г. только в 1,3 раза больше, чем в 1934 г. В условиях значительной недорегистрации, уровень сверхсмертности 1,8 означает уже массовую гибель людей в результате голода.

Чем выше смертность в следствие голода, тем хуже она учитывается, а когда смертность становится массовой, регистрация, скорее всего, вообще прекращается. Как отмечал В.В. Цаплин (1989, с. 178) “многие загсы оказались не в состоянии выполнять функцию регистрации смертей, ибо смертность носила массовый характер”.

Мы предприняли попытку оценить уровень сверхсмертности в России в 1933 г. опираясь на имеющуюся у нас информацию. Итак, уровень сверхсмертности по СССР в целом, достаточно надежно обоснованный исходя из динамики населения страны с 1927 по 1936 гг., составляет по нашим расчетам 7,35 млн человек (АДХ, 1993, с. 36-52). По имеющимся статистическим данным, сверхсмертность в стране составляла много меньше - 2,29 млн человек. Наш расчет можно интерпретировать так - около 30% умерших в следствие голода было зарегистрировано. Общий недоучет умерших в 1933 г. составил более 56%, а умерших в следствие голода составил, порядка, 70%. Напомним, что по нашим расчетам недоучет умерших в 1931-1932 гг. в СССР составлял около 38%, а в 1934-1935 гг. - 27%. Высокий недоучет в 1931-1932 и, отчасти, в 1933 г. связан с тем, что на целом ряде территорий, включая пострадавший от голода Казахстан, регистрация умерших, практически, отсутствовала.

Попытаемся сравнить эти выводы с известными оценками для Украины, где голод носил массовый характер. По большинству оценок (Перковский, Пирожков, 1990, Пирожков, 1991), людские потери Украины составили 4 млн человек. Это означает, что

недоучет умерших равнялся 64% от общего числа умерших, и было зарегистрировано, примерно, 32% умерших в следствие голода.

Как мы отмечали, в России голод не носил столь всеобщего характера как на Украине. Но ситуация в большинстве областей Центрально-Черноземного региона, на Нижней Волге и Северном Кавказе весьма сходна с ситуацией на Украине. Если допустить, что и там было зарегистрировано также примерно 1/3 умерших от голода, а в остальном регистрация умерших была полной, то окажется, что в целом по России потери от голода составили около 2,15 млн или в 2,4 раза больше, чем по данным статистики.

Ситуация на Верхней Волге и Урале, конечно, была несколько легче (индекс сверхсмертности 1,3), но несомненно, что и там смерти от голода учитывались неполностью. Если допустить, что на этих территориях часть смертей в результате голода, оставшихся вне регистрации, в два раза ниже, чем на Украине, то мы получим оценку уровня сверхсмертности в России в 1933 г. равную 2,3 - 2,4 млн человек. Очевидно, что помимо экстраординарной недорегистрации существует и обычная, свойственная для 1932 и 1934 гг., что следует учесть при дальнейших расчетах.

Оценка 2,3 - 2,4 млн согласуется с известными оценками по СССР, Украине и Казахстану. Вычитая из нашей оценки сверхсмертности в СССР оценки для России и Украины, мы получим, что на долю других пострадавших от голода республик, то есть на долю Казахстана, приходится несколько более 1 млн умерших в результате голода, почти полностью прошедших мимо статистики. Эта величина сравнима по масштабам с убылью населения Казахстана за межпереписной период и совпадает с оценкой людских потерь Казахстана, сделанной Р. Конквестом (1990, с. 87-88). Хотя, другие авторы (см. Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989) приводят более высокие, на наш взгляд, менее реалистичные оценки.

Отметим, что по оценке С. Уиткрофта (Wheatcroft, 1990) общий коэффициент смертности в 1933 г. в 1,5 раза выше, чем в 1932 г., что совпадает с нашим расчетом. Уиткрофт не вносил поправок на недорегистрацию смертей и поэтому в абсолютном выражении его оценка сверхсмертности ниже.

Второй вопрос, требующий специального рассмотрения - **снижение уровня рождаемости в 1932, 1933 и 1934 гг.** Резкое падение чисел рождений в эти годы по данным учета, по-видимому,

лишь частично отражает реальную ситуацию. Голод разразился весной - летом 1933 г., трудно предположить, что он мог столь существенно отразиться на числе зачатий в 1932 г. и числе рождений в 1933 г.

Следует также иметь в виду, как справедливо отметил С. Максудов (1989, с. 137), что население страны в тот период, особенно сельское, не имело опыта ограничения деторождения и не было подготовлено к этому. Никакие средства контрацепции в это время широко не применялись. Наконец, данные о динамике числа аборт по Москве и Ленинграду, к сожалению данных по другим территориям найти не удалось, показывают что максимум прерванных беременностей приходился именно на 1934-1935 гг.: в 1932г. в двух городах было зафиксировано 120,7 тыс. абортов, в 1933 - 214,1 тыс., в 1934 - 238,9 тыс., в 1935 г. - 241,8. В 1936 г., когда аборт был запрещен, их число составило 158,0 тыс. (Avdeev et al, 1993, p. 62, 63.). Прерванные в 1932 г. беременности должны были бы реализоваться в 1932-1933 гг. Приблизительно можно сказать, что из беременностей, которые должны были реализоваться в 1933 г. было прервано 167 тыс., а закончилось родами 112 тыс., в 1934 г. - 226 тыс. абортов и 97 тыс. рождений, в 1935 - 200 тыс. абортов и 108 тыс. рождений. То есть и в Москве, и в Ленинграде скачок в ограничении числа рождений приходится на беременности, которые должны были бы реализоваться в 1934 г. Известно, что столицы, как правило, опережают провинцию в ограничении рождаемости. Поэтому мы считаем, что в значительной мере низкое учтенное число рождений в 1933 г. отражает смерти беременных, а также высокий недоучет родившихся и рано умерших детей в период голода.

С нашей точкой зрения не согласен Уиткрофт (Wheatcroft, 1990, 1995), который приводит важные аргументы в пользу того, что снижение числа зарегистрированных рождений в 1933 г. было в большей мере результатом реального снижения уровня рождаемости, чем нерегистрации детей умерших на первых месяцах жизни. Снижение плодовитости в период голода несомненно привело к снижению рождаемости в конце 1933 и, главным образом, в 1934 гг., но падение числа зарегистрированных рождений во время пика голода таким образом объяснить нельзя, поскольку ситуация за 9 месяцев до пика голода не позволяла предсказать подобное

развитие событий. Нельзя объяснить, почему число реализованных зачатий начало резко сокращаться задолго до пика смертности, и почему число реализованных зачатий начало интенсивно расти непосредственно после спада смертности.

Третий вопрос требующий отдельного рассмотрения **связан с оценкой сверхсмертности мужчин и недоучета смертности вообще в 1937-1939 гг.** Еще в начале 1937 г. М.В. Курман в докладной записке на имя начальника ЦУНХУ о естественном движении населения в период между переписями 1926 и 1937 гг. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 132. Л. 25-27) писал, что случаи смерти спецпереселенцев, заключенных в концлагерях и прочих контингентов не попадали в общегражданскую регистрацию.

По мнению Д.А. Волкогонова (1988, с. 129) "в эти трагические годы - с 1937 г. по 1939 г., репрессиям подверглись порядка 3,5 - 4 млн человек. Из них получили смертные приговоры около 600-650 тыс. человек. Кроме того, и это мы знаем точно, очень многие сгинули в лагерях и тюрьмах, не будучи приговоренными "судом" к смерти [данные по СССР]". Поэтому, скорее всего, большая часть недоучета смертей этих лет была связана с массовыми репрессиями, а не с плохой работой загсов. Это особенно важно для населения России, где в 1937 г. находилось более 1834 тыс. заключенных или 82% от общего числа находящихся в заключении в СССР. По оценке В.Н. Земскова (1991) заключенные составляют 94% контингентов Б и В, учтенных при переписях населения: в 1937 г., их численность составила 1952 тыс. человек (РГАЭ. Ф. 1563 Оп. 329. Ед. хр. 143. Л. 148-153), в 1939 - 2624 тыс. человек (табл. 2.5).

При расчете по СССР, баланс данных переписей населения 1937 и 1939 гг. позволил оценить, что число неучтенных смертей среди репрессированных равно 1252 тыс. (АДХ, 1993, с. 49). Этот вариант представлялся нам более правдоподобным, чем второй из двух рассмотренных, по которому число неучтенных смертей равно 665 тыс. Согласно первому варианту недоучет смертности мужчин в 1937-1938 гг. составлял 28% ежегодно, а женщин 14 и 16%, соответственно. Такое соотношение связано с тем, что доля мужчин среди заключенных составляла в 1939 г. около 80%. В России доля мужчин в контингентах Б и В составляла 79,4%.

Согласно данным учета смертности и в СССР, и в России на 100 умерших женщин приходилось в 1937-1938 гг. 113 мужчин.

Коррекция данных с учетом смертности в ГУЛАГе, главным образом, увеличивает смертность мужчин. Согласно скорректированным данным по СССР, на 100 умерших женщин приходилось 130-136 мужчин. Поскольку большинство лагерей находилось на территории России, то при определении недоучета смертности в этот период можно ожидать примерно такого же соотношения числа незарегистрированных смертей мужчин и женщин.

Отметим, что в 1939 г. и, особенно, в 1940 г. ситуация несколько изменилась, и недоучет смертности заключенных снизился. Согласно приведенным в справочнике “Естественное и механическое движение населения РСФСР” (1960, с. 268-285) данным за 1940 г., территории, на которых были сконцентрированы лагеря, и где заключенные составляли значительную долю населения, отличаются резко повышенными по сравнению с соседними территориями общими коэффициентами смертности. Из этого можно заключить, что в 1940 г. смерти репрессированных включались, по крайней мере частично, в общегражданскую регистрацию смертей.

Как уже отмечалось ранее, первая оценка уровней смертности была получена на основе регрессионной модели смертности. Взяв эти показатели за основу, мы провели сглаживание ряда и новую серию расчетов на основе выравненных оценок недоучета умерших, с учетом оценок людских потерь в период голода 1933 г. и сверхсмертности мужчин в 1937 и 1938 гг. Используя модель обратной передвижки от 1939 г., мы провели серию расчетов движения населения России в 1939-1927 гг. с целью выбрать наиболее правдоподобный вариант, объясняющий динамику численности когорт между 1927 и 1939 гг. и обеспечивающий плавное изменение общей численности населения России от 1927 г. к 1937 г. и к 1939 г. (табл. 5.2 и 5.3).

В процессе расчетов мы варьировали показатели недоучета числа умерших мужчин и женщин по всем возрастам и детей в возрасте до 1 года. В качестве крайних вариантов были рассмотрены следующие гипотезы:

- недоучет смертности полностью отсутствовал;
- недорегистрация чисел умерших наблюдалась только в 1933 г., а в другие годы недоучет смертности отсутствовал;

- недорегистрация чисел умерших в 1927-1932 гг. и 1934-1940 гг. составляла 30% общего числа умерших, а в 1933 г. соответствовала приведенной выше оценке людских потерь в следствие голода.

Расчеты подтвердили существование значительного по объему недоучета умерших, иначе нам пришлось бы допустить двойной учет родившихся, причем недоучет умерших не ограничивался только 1933 г.

Таблица 5.2. Оценки численности населения России в 1927 и 1937 гг., рассчитанные методом обратной передвижки без учета миграции при различных гипотезах о характере недорегистрации умерших (тыс. человек)

	Численность населения на начало года		Отклонение от первой строки	
	1927	1937	1927	1937
По данным переписей	93604	104520		
Расчет при следующих гипотезах:				
Недоучет смертности полностью отсутствует	89465	103755	-4139	-766
Недорегистрация чисел умерших была только в 1933 г.	90188	103755	-3416	-766
Расчет по регрессионной модели	94538	104359	934	-161
Расчет на основе скорректированных рядов чисел умерших	93907	104577	449	115
Недорегистрация чисел умерших в 30%	95375	104980	1770	460

Для оценки возможного масштаба миграции, мы провели серию расчетов при различных гипотезах о ежегодных величинах чистой миграции в Россию методом прямой передвижки по возрастам от начала 1927 г. Рассматривались лишь такие варианты расчетов, при которых численность населения на начало 1937 и 1939 гг. совпадала с оценками численности населения, полученными по данным переписей (гл. 2).

Было также обнаружено, что, хотя оценки чисел родившихся существенно зависят от варианта расчета (табл. 5.3), характер их динамики мало меняется в зависимости от варианта и весьма близок к оценкам, полученным на основе данных анамнестического обследования 1960 г.

Это позволило предположить, что полученная форма кривой динамики недоучета рождаемости может быть использована для

конструирования окончательной кривой недоучета смертности. При этом было учтено эмпирическое соотношение (18) главы 4, полученное из анализа данных по СССР в целом.

Таблица 5.3. Оценки чисел родившихся при различных гипотезах о характере недорегистрации умерших (тыс. человек)

Годы	Числа родившихся по данным статистики	Число родившихся по различным вариантам расчета				Расчет по данным анкетного обследования	
		Недоучет смертности полностью отсутствует	Недорегистрация чисел умерших только в 1933 г.	Расчет по регрессионной модели	Расчет на основе скорректированных чисел умерших		
1927	4167	4135	4152	4560	4688	4668	4987
1928	4276	4120	4141	4500	4723	4699	5316
1929	4139	3995	4024	4383	4633	4588	4713
1930	3577	3742	3788	4255	4413	4297	5478
1931	3573	3716	3795	4241	4412	4301	4340
1932	3340	3327	3462	3769	4058	3897	4618
1933	2705	2748	2852	3115	3313	3188	4034
1934	2628	2665	2665	2906	2923	3033	3775
1935	3340	3318	3318	3524	3577	3754	4148
1936	3648	3677	3677	3774	3899	4151	4803
1937	4198	4211	4211	4354	4377	4616	4802
1938	4172	4275	4275	4230	4379	4508	5024

Оценивая размеры недоучета в 1939 и 1940 гг. мы также ориентировались на регрессионные соотношения уровней смертности в России и СССР и провели экстраполяцию оценок недоучета в предшествующие годы.

5.2. Миграция

Положительная чистая миграция в России на протяжении всего периода после 1926 г. объяснялась двумя факторами: во-первых, это - индустриализация, наличие крупных строек с привлечением рабочей силы из других республик; во-вторых, сосредоточение на территории России высланных и репрессированных из других республик. Довольно часто эти два фактора взаимно дополняли друг друга.

Все авторы сходятся в том, что весь предвоенный период Россия принимала население. Обнаруженные более или менее на-

дежные данные статистики миграции относятся только к самому концу рассматриваемого периода и в силу этого мы вынуждены привлекать экспертные оценки. В их основе лежат следующие соображения:

1. Баланс численности населения, основанный на наших предварительных оценках численности родившихся и умерших, показывает, что суммарный рост населения в результате миграции в Россию за 1927-1938 гг. к 1939 г. составлял около 450 тыс. человек. Заведомо нет других объяснений роста населения России за 1937-1938 гг., чем иммиграция, по крайней мере, 110 тыс. человек.

Нам известна только одна попытка оценить объем миграции в Россию в период с 1927 по 1938 гг. Она принадлежит Ф. Лоримеру (Logimer, 1946, P. 163), по оценке которого миграция в Россию за этот период составила 621 тыс. человек. При этом Лоример рассматривал население СССР, как закрытое с точки зрения миграции, и рассчитанный им баланс населения республик не учитывал эмиграцию за пределы СССР. По нашим расчетам, основанным на оценках Марианьского (1969), (на эту же оценку ориентируется Конквест (1990, с. 88)), примерно 200 тыс. человек эмигрировавших из Казахстана прибыли не в Россию, а в Китай. С учетом этого, уменьшив оценку Лоримера на 200 тыс. человек, выехавших за пределы СССР, мы получим весьма близкую к нашим расчетам величину - 421 тыс. человек.

2. По нашим расчетам получается, что среднегодовой рост населения в результате миграции в 1927-1936 гг. в 2 раза меньше, чем в 1937-1938 гг. Можно допустить, что миграционный прирост концентрируется на второй половине 10-летия.

В 1927-1932 гг. специалисты ЦУНХУ пытались делать оценки возможной миграции между республиками (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Ед. хр. 24) в этот период и сочли, что вклад миграции в рост населения России в 1927-1930 гг. весьма незначителен. Хотя эти расчеты не вполне убедительны, мы можем опереться на точку зрения современников событий.

3. На вторую половину периода приходится начало кампании по переселению в восточные районы (Сонин, 1940).

Сами по себе данные о переселенцах мало помогают решить проблему оценки миграции. Во-первых, нельзя быть уверенным, что отчеты о выполнении плана переселений свободны от приписок,

характерных для всех подобных документов. Во-вторых, неизвестно сколько переселенцев осталось в месте вселения.

4. Рост числа заключенных составлял, по-видимому, устойчивую компоненту миграционного роста населения России. Напомним, что население России составляло до 1939 г. чуть более 64% населения СССР, но на ее территорию приходилось 77% контингентов Б и В (см. табл. 2.5 и АДХ, 1993, с. 31). По оценке Земскова (1991) численность заключенных составляет около 94% общей численности этих контингентов. Если допустить, что частота репрессий не различалась по республикам, то окажется, что численность заключенных из других республик в лагерях России составляет не менее 13%. Численность заключенных увеличилась за 1937-1938 гг. на 521 тыс., и если 13% - выходцы из других республик, то миграция в Россию должна включать как минимум 68 тыс. заключенных.

5. В 1939 г. данные ЦУНХУ о миграции населения стали более полными. Но они, по-прежнему, касались только городов (причем не всех) и, кроме того учет выбытий был существенно менее полон, чем прибытий. Опереться на расчеты ЦУНХУ, выполненные в этот период нельзя. Дело в том, что согласно письму начальника ЦУНХУ В.Н. Старовского на имя председателя Госплана Н.А. Вознесенского (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 391), при расчете численности населения республик и областей после переписи численность мигрантов увеличивалась, с тем, чтобы постепенно компенсировать имевшее место при переписи перераспределение заключенных. Видимо, руководство ЦУНХУ понимало опасность для статистики, заложенную в искажении итогов переписи 1939 г., и весьма своеобразно пыталось восстановить истину. Итак, мы не могли использовать эти расчеты в нашей работе.

Согласно данным статистики, миграционный прирост городского населения России составил в 1939 г. 1584, а в 1940 - 815 тыс. человек. С другой стороны, согласно отчету о выполнении плана переселения в восточные районы России из других республик в 1939 г. прибыло 1,6 тыс. хозяйств, а в первой половине 1940 г. - 26,6 тыс., при среднем размере хозяйства 5 человек (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Ед. хр. 390. Л. 94).

6. Попытка привлечь для оценки объемов миграции данные об этническом составе населения России оказались неэффективными.

Так, численность украинцев и белорусов в России резко уменьшилась (табл. 5.4), несмотря на достаточно интенсивную их (особенно украинцев) миграцию в Россию.

Таблица 5.4. Численность некоторых национальностей в России по трем переписям (тыс. человек)

	1926 г.	1937 г.	1939 г.	Изменение численности населения в процентах	
				с 1926 по 1937	с 1937 по 1939
Русские	74072	85361	90306	15	6
Украинцы	7873	3087	3359	-61	9
Белорусы	638	349	459	-45	31
Немцы	806	651	863	-19	32
Евреи	567	774	957	37	24

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XI. 1929; Всесоюзная перепись населения 1937 г., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. 1940.

Согласно исследованиям Конквеста (1990, с. 86), разгадка уменьшения числа украинцев в России связана с тем, что численность кубанских казаков, отнесенных при переписи 1926 г. к украинцам, существенно уменьшилась в результате голода 1933 г. (индекс сверхсмертности на Северном Кавказе составлял 2,6), а при переписи 1937 г. они были учтены как русские. С другой стороны изменение численности белорусов, немцев и, частично, украинцев можно рассматривать как следствие изменения этнической самоидентификации в результате изменения формулировки вопроса при переписи 1937 г. по сравнению с 1926 г. Напомним, что в переписи 1926 г. была использована следующая развернутая формулировка вопроса о национальности:

“4. Народность _____; для иностранцев: какого государства подданный. [Здесь отмечается к какой народности причисляет себя отвечающий. В случаях, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери. Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на вопрос 4 не следует заменять народность религией, подданством, гражданством или признаком проживания на территории какой-либо республики]”.

В 1937 г. вопрос формулировался: “3. Национальность”.

С другой стороны, численность украинцев, белорусов, немцев и евреев в России между 1937 г. и 1939 г. росла более интенсивно,

чем русских. Допустив, что более высокий темп роста есть результат миграции, мы получили оценки числа мигрантов очень близкие к нашим предварительным оценкам для этого периода.

Так или иначе, доступной количественной информации было явно недостаточно для проведения формальных расчетов. Поэтому, суммировав все разрозненные качественные сведения, мы построили экспертную оценку динамики чистой миграции в Россию (см. рис. 5.1). При этом для 1937-1940 гг. мы приняли один и тот же уровень миграции.

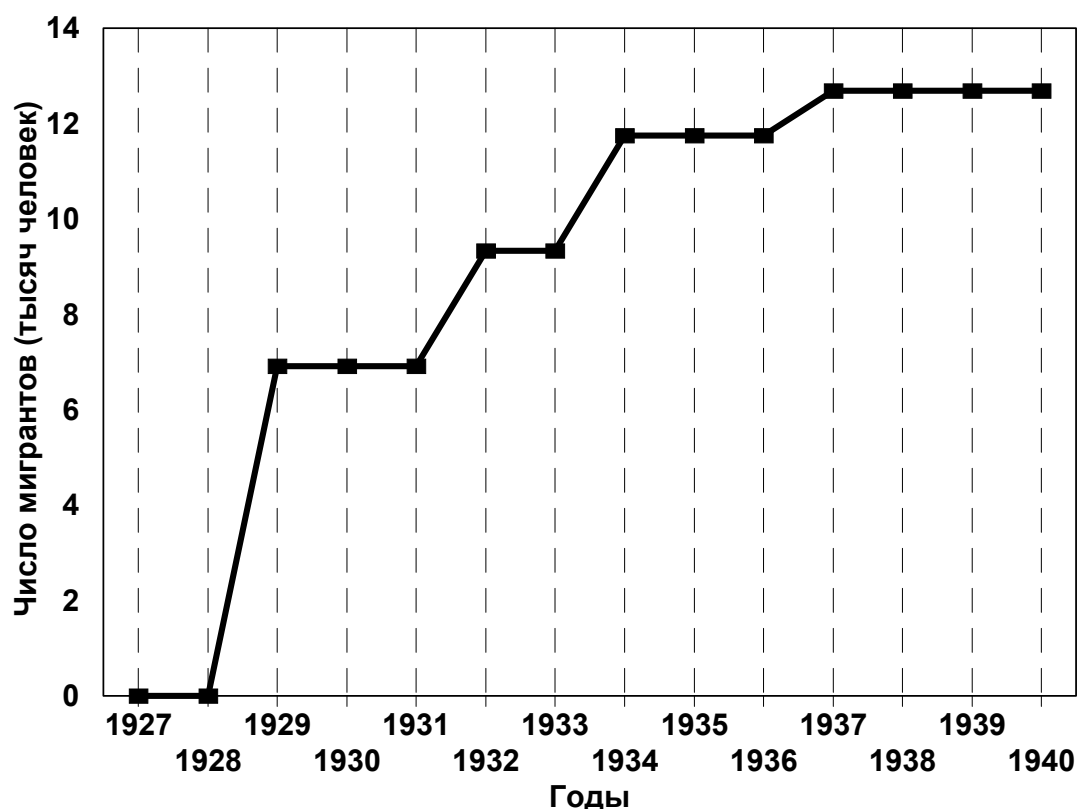

Рисунок 5.1. Экспертная оценка чистой миграции в Россию в 1927-1940 гг.

Принятые оценки временной динамики чистой миграции были включены в модель передвижки по возрастам и использованы при расчете населения. Предполагалось, что смертность мигрантов не отличается от смертности всего населения России. Это является обязательным условием применения процедуры передвижки возрастов, но заведомо не верно, так как мы знаем, что значительная часть иммигрантов были заключенными и ссыльными, а смертность в лагерях ГУЛАГа была чрезвычайно высокой. Поэтому, полученные оценки чистой миграции занижены, но это не влияет на другие результаты расчета в силу относительно малого веса мигрантов в населении России.

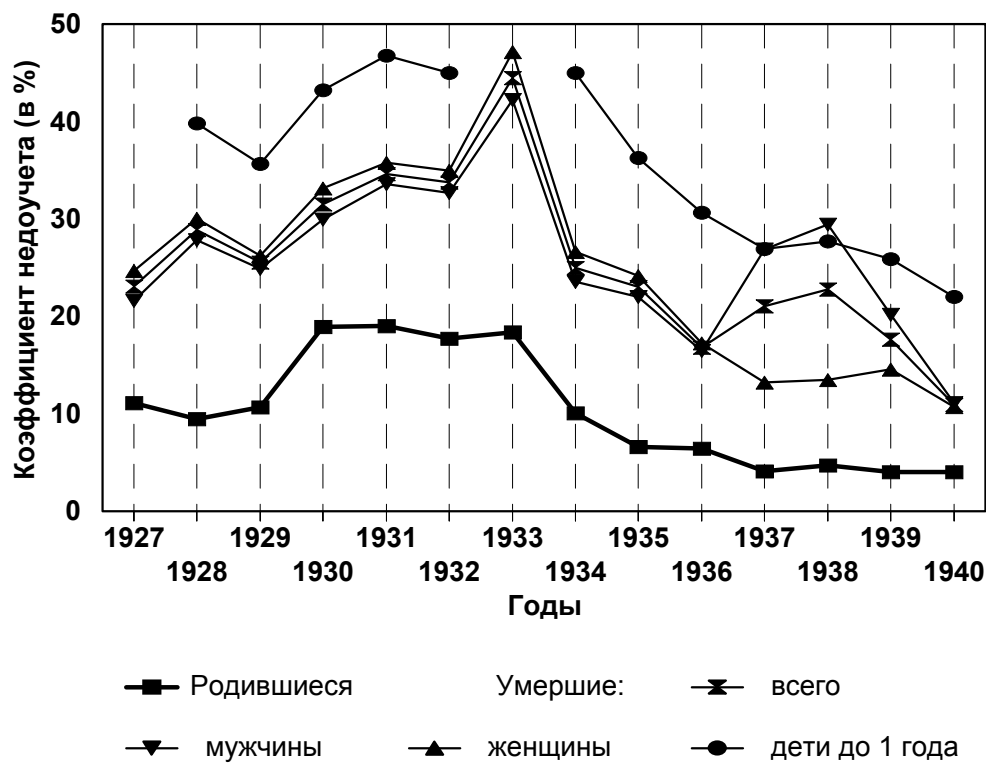

Рисунок 5.2. Оценки недоучета чисел родившихся и умерших в 1927-1940 гг.

После формулировки основных гипотез была проведена серия расчетов в целях выбора из возможных близких вариантов значений параметров недоучета числа рождений и смертей, того, который более всего удовлетворяет условиям I-IV, сформулированным в гл. 4. Итоговые оценки недоучета представлены на рис. 5.2 и приложении 2.

5.3. Полученные результаты

Основные полученные результаты содержатся в табл. 5.5. и в приложениях 1 -5. Мы рассматриваем их как один из возможных сценариев демографического прошлого и, возможно, что в будущем найдутся новые данные, которые позволят сделать более точные оценки.

Нет, по-видимому, смысла сравнивать наши итоги с достаточно фантастическими оценками населения ЦУНХУ за 1927-1939 гг., нереальность которых уже доказана при переписях населения. Наши расчеты населения России повсеместно и даже в трехлетие 1939-1941 гг. серьезно отличаются от оценок ЦУНХУ (табл. 5.6).

Таблица 5.5. Основные результаты расчета населения России за 1927-1941 гг. (тыс. человек)

Годы	Численность населения	Число родившихся	Число умерших	Чистая миграция
1927	93604	4688	2705	0
1928	95587	4723	2589	0
1929	97721	4633	2819	31
1930	99566	4413	2738	31
1931	101272	4412	3090	31
1932	102624	4058	3077	42
1933	103648	3313	5239	42
1934	101763	2923	2659	53
1935	102080	3577	2421	53
1936	103288	3899	2719	53
1937	104520	4377	2760	57
1938	106195	4379	2739	57
1939	107892	4329	2600	57
1940	109678	3814	2561	57
1941	110988			

Расхождения связаны не только с коррекцией официальных итогов переписи населения 1939 г., но и с разной оценкой полноты учета умерших, родившихся и мигрантов.

В справочнике “Численность, состав и движение населения СССР” (1965) опубликована еще одна оценка численности населения России на начало 1940 г. - 110098 тыс. человек. Она на 871 тыс. меньше результатов предвоенных расчетов (см. табл. 5.5) и настолько же ближе к нашей оценке. Нам не удалось установить автора этой оценки. Можно допустить, что она сделана в начале 60-

х годов сотрудниками Отдела статистики населения ЦСУ СССР С.П. Бекуновой и Е.В. Родиной (АДХ, 1993, с. 39).

Таблица 5.6. Сравнение полученных результатов с расчетами ЦУНХУ выполненными в предвоенный период

Годы	Численность населения (тыс. человек)		Различие двух расчетов	
	Расчет авторов	Расчет ЦУНХУ	тысяч человек	%
1939*	107978	108377	399	0.4
1940	109678	110969	1291	1.2
1941	110988	112381	1393	1.3

* на момент переписи

Источник: РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Ед. хр. 391.

По нашим оценкам, численность населения России с 1927 г. по 1939 г. увеличилась с 93,6 до 107,9 млн (оценка на 1 января), а в начале 1941 г. составила 111,0 млн. Общее число родившихся за 1927-1940 гг. составило 57,5 миллионов. умерших - 40,7. Таким образом естественный прирост Российской Федерации за этот период составил 16,8 млн человек, а миграционный прирост за счет других республик составил чуть более 564 тыс. человек.